

ЧАСТЬ ВТОРАЯ¹

XVI. СОВРЕМЕННОЕ ИДОЛОПОКЛОНСТВО

А сейчас посмотрим, кто эти самые европейцы, с которыми хотят объединить нас как государственно, так и церковно?

Пугающие противоречие характеризует европейцев: это — полная противоположность между человеком внешним и человеком внутренним. Европейец, на самом деле, является не совсем тем, чем он кажется. Он живет и движется во лжи компромиссов. Вся его культура — это коллекция досужей лжи, к которой он хорошо приспособился. Он крайне эгоцентричен, но ведет себя с абсолютной и почти преувеличенной учтивостью.

В “недоразвитых” странах, где людям по-прежнему не хватает тонкостей европейской культуры, любой человек в большей или меньшей степени выражает свой внутренний мир с некой свободой и простотой, которых вы не найдете в Европе. Их манеры грубы, но люди эти истиннее. В Европе же это рассматривается как недостаток культуры и духовного развития.

Таким образом, постоянная лицемерная игра дошла до того, что ее почитают за культуру, где беловымытые гробницы полны зловония, и чаша снаружи всегда вычищена напоказ.

Но, как и у фарисеев, эта постоянная ложь, в которой они живут, не постыжает их. Наоборот, их внешнее совершенство делает их уверенными в своем превосходстве. Наиболее характерной чертой европейцев является самомнение (тщеславие). Они смотрят сверху вниз на всех, кого они считают некультурными и неразвитыми.

Редко кто может быть глубоко обеспокоен нуждами других, отдельных людей, групп или даже народов, и особенно неразвитых, по отношению к которым они питают сочувственные сентименты, но в глубине души они беспокоятся о них также, как энтомолог беспокоится о насекомых. Сентименты, которые они питают к людям, ниже той любви, которую они имеют к своим собакам.

Они так же идеализируют свою цивилизацию, как они идеализируют и самих себя. Будучи критически настроенными, они ничего не принимают на веру, чему они очень гордятся. Они считают все ценности относительными, даже и те, которые они принимают; и они с непременным глубокомыслием обсуждают все то, во что человечество когда-либо верило.

Их потребительская позиция есть позиция благорасположенных агностиков, которые готовы согласиться со всем, чтобы вы им ни говорили, но дают вам понять, конечно, что чтобы вы не собирались сказать им, для них это ни горячо и ни холодно.

Единственное, однако, в чем агностики никогда не сомневаются так это ценность их собственной цивилизации. По их мнению не было еще выше цивилизации, чем их собственная. Может присутствовать и острая критика определенных культурных проблем, и большие несогласия в деталях, но здоровое направление их культуры никогда не ставилось под вопрос.

Европейская цивилизация основывается на религии, но на религии, которую никто не желает назвать таковой, потому что эта религия не есть поклонение одному или нескольким богам, но есть поклонение человеку.

---

¹ Окончание. Начало см. “Ковчегъ” Вып. I.

Религия древних греков и их цивилизация были ничем иным как поклонением человеку. Если цивилизация древней Греции нашла столь хороший прием в сердцах европейцев, то можно отнести это исключительно к их внутреннему духовному родству.

Европейцы, как и древние греки, обожествовали человеческое я, его страсти, силу и слабости его души; одним словом, они сделали человека центром, мерою и целью всего. Европейская культура происходит от человека; она существует для человека; и она получает оправдание свое от человека.

Могут быть некоторые разногласия по поводу путей достижения лучшей человеческой жизни; могут быть различия в видах поклонения человеку; могут быть различные заключения, как плоды человеческих воззрений; но для всего и для всех человек является центром, вокруг которого они вращаются, источником и целью всех их действий.

Это — европеец. Какую бы религию по его мнению он не имел, в глубине его религия есть поклонение идолу “человек”. Европеец перестал видеть образ Божий в человеке; он видит лишь образ самого себя.

Другими словами, европейская религия есть старая религия гуманизма, та самая, что отделяет человека от Бога. Цель Божья — обожествовать человека. Но человек, обманутый дьяволом, посчитал, что он может стать богом без благодати Создателя своего, полагаясь на свою собственную интуицию и своими собственными силами. Он поспешил откусать от древа знания прежде, чем он стал достаточно зрелым для такой пищи.

В результате глаза его открылись, чтобы познать добро и зло, увидеть свою телесную и духовную наготу, и он был потрясен. Но не мог более выносить лица своего Господа и Бога, и он бежал, чтобы скрыться от лица Его. Он осознал какая великая бездна открылась между ним и его Создателем. Затем его милостливый Отец проклял первопричину его разрушения, дьявола — *Этого старого змея* — и в Своей безграничной любви даже обещал спасение: *“И вражду положу между тобою (змеем) и женою (пресвятой Девой), и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту”* (Быт. 3 : 15). И дабы человек не мог жить вечно в этом состоянии духовной смерти, Он выдворил его из Рая, “как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно” (Быт. 3 : 12). Таким образом, без Его сострадания и любви, Бог позволил телесную смерть и тление, которые, как и буровая смерть, были результатом прерванной связи с Источником жизни, так, чтобы человек не пронес сквозь века свою духовную смерть, несчастье и наготу. И человек, будучи отделенным от Бога и живя в постоянной реальности смерти, стал рабом дьявола.

Явилось это следствием реакции на опыт его собственной пустоты поклонения человека человеку, провозглашенному им богом. Фактически, древние думали, что человеческая душа является частью божественной природы, другими словами, она божественна с сущности своей и поэтому никогда не нуждалась в Боге.

Это внутреннее желание человека верить в свою собственную божественность, наряду с фактом его подчиненности силам демоническим, является основанием любой формы идолопоклонства.

Религия Европы тогда есть ничто иной как изначальное идолопоклонство в современной форме. Папство, протестантизм, гуманизм, атеизм, демократия, фашизм, капитализм, коммунизм и все вообще европейское являются выражением того же духа гуманизма.

Европейская цивилизация есть ничто иное как результат мучительных и настойчивых попыток человека водрузить свой трон над тронном Божиим. Это ничто иное как воздвижение новой вавилонской башни; может преобладать непонимание методов воздвижения, но цель остается для всех одержимых общей.

Идеал европейца в точности тот же, что и идеал люцефера. По сути это — то же самое презрение благодати Божией, то же оскорбление Его любви, то же самое восстание (бунт) и отчуждение от провидения (воли?) Его, та же неблагодарность, тот же покинутый путь, который вместо вознесения человек, как он полагает, что он идет, ведет в пропость смерти

XVII. С КРЕСТОМ КАК СО ЗНАМЕНОМ

Но истинная религия Европы скрывается и выступает формально под христианской маской.

Для всего мира Европа — христианская страна. Дьявол воистину умен исключительно, и шутки его имеют трагедийнейшие последствия для человечества.

Величайшее зло, которое когда-либо случилось в мире, состоит в том, что мир взял Крест как знамя. Аристотелионизм западных богословов и их приемственность от идолопоклонической рационалистической мысли древней Греции, перенос богословия в философию, искажение Веры, папство, жажда власти и мирского могущества, крестоносцы, смешение религии с политикой, инквизиция, мисси, которые явились передовыми отрядами колониционных сил, конквистадоры, войны, систематическое кровососание наций, оргии, обманы, унижения и тирании имели место во имя Распятого.

В лице этой трагической порчи религии естественным было, что атеизм и протестантизм должны были зародиться как стремление к освобождению и здоровью.

Нужно отметить, что атеизм, появившийся в Европе, не был лишь безразличием или агностицизмом, или просто эпикурейским отношением. Атеизм Европы не был академическим отрицанием. Это была сильная ненависть к Богу христиан, как они поняли Его в Европе; это была сильная страсть, богохульство, оскорбление души человеческой.

На православном христианском востоке со времени Константина Великого и до греческой революции никогда не бывали подобные эпидемии. Люди на востоке познали совершенно другого Бога, чем бога, которого познали люди запада; вот почему они пришли к отрицанию Его, в независимости от того, насколько грешны они были. Первые атеисты Греции пришли из Европы. Их отрицание, даже неосознаваемое ими, было отрицание религии, к которой они пришли в Европе. Атеизм их был вскормлен ошибками христиан и искажением христианской истины, имевшим место на западе.

Подобно тому протестантизм мог появиться как отдельная ересь. Но в действительности, он произошел как отрицание католицизма. Протестантизм никогда не имел религиозной позиции. Наоборот, он был и есть религиозным отрицанием. Его оправдывало существование католицизма. Если бы католицизм исчез, не было бы причины для существования протестантизма.

XVIII. СПОСОБ ПОЗНАНИЯ

Сегодня атеизм наряду с протестантизмом может повернуться против православия. Но нападение это основывается на обмане. Они ненавидят православия, потому что видят его со своим собственным критерием, со своим собственным мышлением. Он представляется им неким вариантом католицизма. И это вовсе не благодаря их болезненному расположению, но из-за поснейшей неспособности судить по другим стандартам и думать по другому.

Католицизм, протестантизм и атеизм — все одного плана. Они — порождения той же ментальности. Все трое являются философскими системами, порождением рационализма. Происходит это от представления, что причина человеческая есть основание для определенности, мера истины и способ познания.

Православие — совершенно другого плана. Православие обладает другой ментальностью. Православные смотрят на философию как на тупик, который никогда не приведет человека к определенности, истине и знанию. Они уважают разум человеческий как никто, и они никогда не отступают от этого. Они смотрят на него как на один из полезных факторов в определении лжи и раскрытии ошибки. Но они не принимают его как способного дать человеку определенность, освещающего его светом истины или ведущего его к знанию.

Знание есть водение Бога и Его творения, очищенное в сердце божественной благодатью и подвигами, и молитвой человека. *“Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.”*

Истина не есть серия определений, но Сам Бог, Который явился конкретно в личности Христа, Который сказал: *“Я есмь Истина.”*

Конечно, дело не в интеллектуальной гармонии; это — глубокое уверенность сердца. Она приходит в результате внутреннего водения и сопровождается теплотой божественной благодати. Интеллектуальная гармония, являющаяся следствием логического порядка вещей, никогда не сопровождается такой (внутренней) уверенностью.

Философия характеризуется концептуализмом. Человеческий интеллект не может принять реальности такой, какой она есть. Он переносит ее во-первых в символы и затем детализирует эти символы. Но символы есть подделка образов реальности. Общее представление так же отдаленно от реальности, как картина, изображающая рыбу, от рыбы живой.

Истина для философа есть серия цифр и образов. Символы эти представляют одно великое преимущество: они понятны. Они подогнаны под человеческие измерения и удовлетворяют интеллект. Но они так же имеют большой недостаток: они не связаны с живой реальностью.

Живая реальность не подходит под категории человеческого интеллекта. Она выше рассудка. Философия есть попытка перенести сверхрациональное в рациональное. Но она поддельна и обманна. Вот почему православие отрицает философию и не принимает ее как способ познания.

Единственный способ познания есть чистота сердца. Она одна допускает постоянное пребывание Святой Троицы в человеке. Только так познается Бог и все Его творение, без подведения под это некой концепции. Он познан таким, каким он есть в действительности, не становясь понятным и не будучи приниженным, дабы быть подогнанным под тесные (удушающие) границы человеческого разума. Так, сознанию человека, живое и ограниченное в понимании, приходит в соединение с живым и непостижимым Богом. Знание есть живой контакт человека с Создателем и Его творением, во взаимной любви.

Опыт познания есть нечто, не поддающееся объяснению человеческими словами. Когда апостол Павел пришел к познанию, он сказал, что он слышал произносимые слова — нечто невозможное человеку выразить. (I Кор. 2 : 9)

Таково глубинное христианское богословие — невыразимое. Догмы есть вспомогательные формулы. Но они не являются действительным знанием; они просто направляют и защищают от ошибки. Человек может иметь знание, не зная догм, и он может знать все догмы и принимать их, не имея знания. Вот почему вне утвердительного богословия догматов Отцы полагали глубокое таинство обратного богословия, где не принимаются определения, где разум молчит и недвижим, где сердце открывает свою дверь, чтобы принять Великого Гостя, “Который стоит в дверях и стучится,” где разум видит Того, Кто Есмь.

И пусть никто не думает, что эти вещи истинны лишь по отношению к сверхрациональному знанию, которое есть движение Бога к человеку. Человек не может ничего познать своим разумом, и он не может быть ни в чем уверен — ни в самом себе, ни в мире, ни даже в простейших и общих вещах.

Кто честно ждал услышать силлогизм Декарта “Я мыслю, потому существую” дабы уверится, что он действительно существует? И кто ждал философов для доказательства того, что мир вокруг его реален, дабы поверить, что это так? С другой стороны, такое доказательство никогда не существовало и никогда не будет существовать, те, кто связан с философией, прекрасно знают это. Никто никогда не был в состоянии действительно доказать своим разумом, что наши мысли и мы сами, как и мир вокруг нас, не являемся фантазиями. И даже если бы кто-то и доказал это логически, что не возможно, это логическое доказательство никого не смогло бы уверить.

Если мы уверены, что мы существуем и что наши друзья не есть плоды нашего воображения, то это не по причине доказательств философов, но от внутреннего знания, внутреннего ощущения, которое дает нам определенность всего без силлогизмов и доказательств.

Это есть природное знание. Это — знание сердца, а не ума. Это надежное основание каждой мысли. Разум может строить на нем без стаха падения. Но без этого разум строит на песке.

Это есть естественное знание, которое ведет человека на путь Евангелия и дает ему возможность отделять истину от лжи, добро от зла. Это есть первая ступень, ведущая человека к престолу Божию. Когда человек со своей свободной волей взойдет на первые ступени природного знания, тогда Сам Бог склонится и покроет его этим небесным знанием таинств, “которое человек не может выразить.”

Проповедь апостолов и Отцов, пророков и Евангелие, слова Самого Христа, направлены к природному знанию человека. Это — сфера догматов и утвердительного богословия. Это — ясли, где рождается вера.

Начало веры в способности сердца улавливать то, что говорит истина в маленькой книжке под названием Евангелие, что в этой простой церкви нищих, верующих людей Бог снисходит и восселяется. Когда страх охватит кого-то, потому что он ступает по земле, распростертой рукою Божией, потому что он вглядывается в великое и широкое море, потому что он идет и дышит, тогда глаза его начнут источать слезы — слезы покаяния, слезы любви, слезы радости — и он ощутит первые ласки непередаваемых словами таинств.

Природное знание присутствует во всех людях, но оно не одинаковой чистоты во всех. Любовь к удовольствиям имеет силу затемнить это знание. Страсти, как туман, и потому лишь немногие находят дорогу к истине. Сколько людей, в поисках маленького света, которого они никогда не увидят, заблудились в лабиринте философии?

В лабиринте этом совсем неважно, кто христианин, а кто атеист, протестант или католик, кто последователь Платона или Аристотеля. Есть одна общая характеристика для них — тьма. Кто бы не влез в пещеру рационализма, перестает видеть. И какие облачения он не носил бы, все они одного цвета тьмы. В спорах своих они очень хорошо понимают друг друга, потому что у них одинаковые предположения, предположения тьмы. Но для них невозможно понять тех, кто не в лабиринте и кто видит свет. И не имеет никакого значения, что те внешние говорят им, они все понимают с позиций своих собственных предположений и не могут видеть, каким образом другие могут превосходить их.

ХІХ. ШКОЛА ЗАПАДА

Споры, которые начались на западе столетия томк назад, имеют место с поразительной легкостью (непринужденностью), и это потому, что, хотя участники разнятся взглядами, они имеют одну школу.

Очень трудно для европейцев, особенно протестантов, атеистов и религиозно безразличных, осознать, как глубоко их сознание отмечено печатью папства и понять, что их негативные взгляды сформировались соответствующими позициями папистов.

Папство являлось великой педагогией запада. Оно учило европейцев азбуке и направляло их на рационализм, который был унаследован от древней Греции и Рима.

Рационализм был душой всех ересей, которые ополчились на христианство. Все богословские сражения христианство вело против него. Ересь есть отрицание сверхестественного и попытка преобразование его в нечто рациональное. Это — отрицание живой реальности и принятие некоего понятия, потому что только понятие есть нечто понятное, где бы живая реальность не была.

Рационализм начал проникать в западную Церковь задолго до раскола. Папство и различные ереси, которые украшают Римскую “Церковь”, отцом имеет рационализм. Они родились и незаметно выросли в веках.

Удаленность Рима и затрудненность сообщений способствовали тому факту, что первые отклонения не были выявлены в начале. Студенты-историки заметят, что запад для христианства всегда был духовной провинцией. Почти все духовные и богословские вопросы родились на востоке, и разрешение их найдено было здесь же. На востоке христианство находилось под постоянным духовным давлением. Все распространенные ереси прошли здесь, и духовные баталии имели место тоже здесь. Западные пребывали в некотором блаженстве; они были шоколадными солдатиками христианства.

Болезни востока носили характер острых приступов, т. е. вида, который создает антитела и иммунитет. Однако, в то же самое время, на западе началось хроническое заболевание — вид болезни непременно ведущий к смерти.

Рационализм приносит с собой самомнение; самомнение приносит отчуждение; отчуждение возрастает с мирской властью. Так, в то время, когда запад нуждался в духовной поддержке и направлении востока, к ужасу всех разверзлась бездна.

Тем временем, в своей попытке христианизовать людей Европы, которые были варварами, латинская Церковь, вместо того, чтобы стараться поднять их к трудным высотам христианской веры и жизни, старалась представить христианство как нечто легкое и приятное, надеясь таким образом быстрее привести варваров ко Христу. Так, вместо поднятия варваров, латиняне принизили Церковь. Они сделали свое учение более понятным, разложенным на многие категории, более систематизированным, более академическим. Таким образом начал распространяться рационализм и подмена христианской веры. От таинства и жизни в Духе Святом христианство стало этико-философской системой, которая позже нашла свое лучшее выражение в *Общем богословии* Фомы Аквинского.

Те, которые позже отвергли католицизм, получили от этого свою культуру. Они выросли в этом, это научило их думать и философствовать. Протестанты, гуманисты, атеисты — целые плеяды европейских философов — все они выпускники школы католицизма. Вот почему они говорят на одном языке, языке рационализма, и вот почему, не смотря на все свои различия, они так отменно понимают друг друга.

XX. СТРАШНЫЕ ТАИНСТВА

Дискуссия между атеизмом и католицизмом возможна. Они говорят на одном философском уровне, используя аргументы одного и того же порядка.

Но дискуссия между атеизмом и православием невозможна, потому что язык православия абсолютно непонятен атеизму. Православие понимает язык атеизма превосходно, но если оно заговорит тем же языком, оно перестанет быть православием.

В качестве примера возьмем спор относительно природы человека.

Католицизм верит, что человек состоит из тела и души. Атеизм не признает существование души и учит, что человек состоит исключительно из тела. Это отрицание явилось ответом на католический взгляд на человека.

В попытке выразить глубинную тайну человеческой природы в простейшей форме, католики заимствовали греческие идеи о душе и теле, которые были удивительно понятны. Они дали определение тела и определение души, оба из которых были абсолютно понятны. Подобно древним, они описали душу как независимое, самосуществующее бытие, которое есть основа человека; они принизили тело до уровня ненужного бремени, которое, как верили греки, сковывает душу и не дает ей сводно развиваться.

Таким образом, таинство человеческого существования упало до наивного уровня философского определения. Вот тут то атеизм и нашел его и начал о нем рассуждать, поскольку атеизм так же движется на уровне философских определений. Так начался бесконечный обмен научно-философскими аргументами, который будет продолжаться до скончания века, ничего не доказывая, потому что доказательство есть искомое в сфере чистого разума, а не в том, что вне его. Разум имеет лишь вспомогательную ценность; сам по себе, он не ведет ни к знанию, ни к определенности.

Как может, следовательно, православие принимать участие в таких детско-наивных дискуссиях, не опускаясь на тот же уровень наивности? Православие отказывается давать философские определения того, что есть человек, что есть тело, или душа. Оно знает, что человек более того, чем он видится, но оно так же хорошо знает, что не может ни описать ни определить душу, и оно не в состоянии смотреть на тело или материю как на нечто понятное человеческому разуму. По сколько постольку разум может анализировать вещи, он может лишь понять символы, которые он сам создает, но не сущность.

Вот что говорит св. Григорий Нисский о человеке: *“Потому что как это мне кажется, грим человека внушающий страх и необъяснимый, портретирующий многие скрытые в самом себе таинства Божии.”*

Православие использует слова “душа”, “плоть”, “материя”, “дух”, никогда не имея ввиду одни и те же вещи под одними и теми же словами. Оно использует слова, взятые из человеческого словаря, потому что оно должно самовыражаться. Но оно не соглашается вкладывать в узкие рамки человеческой концепции все таинство, которое даже ангелы постичь не могут. И не соглашается оно делить человека на тесные отсеки души и дела, или, подобно некоторым современным еретикам, на тело, душу и дух. Не считает оно плоть малоценной; но как раз часто говорит о ней, как о всей человеческой натуре: *“И Слово стало плотью”*.

Но это не наше сегодняшнее время. Православие есть духовный опыт, жизнь в Боге, серия онтологических контактов, а не система человеческих силлогизмов. Его силлогизмы истинно существуют, и они наилогичнейши, но они — лишь помощники. Его основание не от силлогизмов и философских спекуляций, но живого опыта божественной энергии в чистых сердцах святых. Как же тогда может атеизм вести дискуссию с ним?

XXI. СВЕТ

Однако, были называемые православным, которые пустились в общие дискуссии с атеизмом и философией. Ученые от различных религиозных организаций у нас многие годы старались доказать, что наука тоже признает существование Бога, но несмотря на все их

дискуссии, им удалось лишь доказать как велик их интерес к науке и философии и как велико их безразличие к православию. Будучи живыми примерами европеизации, которой мы подверглись на нашей земле (т.е. в Греции), они не хотят да и не в состоянии передать силу православия, чтобы разрушить любую философию. Потому что при всем своем теоретическом православии, они остаются настоящими западниками.

Православие имеет силу доказать философам логически, что философия, если она хочет остаться рациональной, может прийти лишь к агностицизму, отрицанию всех знаний. Очередное делемое ею утверждение неразумно, и даже хотя делается вид, что оно происходит из здравого смысла, оно основано на предположении.

Есть единственная дорога к знанию, единственная, которую Бог указал за века. Это не путь силлогизмов, но путь жизни, потому что истина не есть система философских теорий, но личное существование: *“Я есмь Путь и Истина и Жизнь”*.²

Но для того, чтобы идти своей дорогой, не достаточно говорить и верить, что ты христианин. *“Не всякий, говорящий мне: Господи! Господи! войдет в Царство Небесное”*.³ Необходимо нечто еще: подвиг христианина во всей его жизни, чистота сердца, которая содействует человеку достойным принять освещение Духа Святого. Весь моральный и аскетический подвиг христианства нацелен на эту чистоту сердца, дабы вселить в человека Святую Троицу. *“Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; И Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим”*.⁴

Прямое причастие Святой Троицей, контакт с божественным, откровение Божие, и есть знание. Только оно просвещает человека. Оно дает ему понять то, что есть Бог и Его творение. Оно позволяет человеку проникать в смысл вещей и видеть, что он есть сам, вне феномена и философских определений. Что должны сказать философы и атеисты перед лицом этого знания? Будут ли они отрицать его? Могут отрицать. Слепой, никогда невидевший свет, конечно, может отрицать существование света. Но это отрицание не имеет никакого веса для того, кто видит.

Нельзя доказать существование света слепому. Но если слепой хорошо расположен, он поверит ему и поспешит пасть на колени перед Христом, умоляя Его даровать ему зрение. Если он не верит ему, он навсегда останется слепым, и никто никогда не сможет заставить его понять огромность его недостатка.

Это отношение православного к философу, отношение есть отношение того, кто видит к тому, кто слеп. И так же как невозможно зрячему вести дискуссию со слепым о красоте земли, о красках и свете, так невозможно для православного обсуждать величие знания с философом.

Знание есть нечто, что необходимо попробовать, чтобы понять. Никто не может говорить или понять, что вы говорите ему, без должной предварительной необходимости.

Должен ли, тогда, любой диалог православных с рационалистами быть прерван? Конечно нет. Диалог будет продолжаться покуда слепые и те, кто видят, живут вместе. Слепы всегда будут говорить как слепые. Но единственное это то, что те, кто видят, не должны говорить как слепцы, иначе как слепые узнают о своей слепоте? Те, кто видят, должны продолжать говорить как люди зрячие, даже, если и не похоже на то, что они будут поняты. По крайней мере, они смогут понимать друг друга, и, кто знает, возможно вслушиваясь, некоторые из слепых могут увидеть, что без глаз нельзя познать свет.

---

² Иоан, 14 : 6 (Ред.).

³ Матв. 7 : 21 (Ред.).

⁴ Иоан. 14 : 23 (Ред.).

XXII. СПАСЕНИЕ

Многие так-называемые православные получают большое удовольствие от участия в дискуссиях между католиками и протестантами. И слепы ведут слепых.

Например, возьмем вопрос оправдания: вера или добрые дела спасают человека?

Католики учат, что человек спасается числом и качеством добрых дел, которые он представит к концу своей жизни. Было время, когда папы даже заявляли, что добрых дел у святых было много больше, чем этого достаточно для их собственного спасения, и что свехдолжные заслуги могли быть перенесены на грешников, если последние могли заплатить определенную цену.

Отвергая позицию католиков, протестанты учили, что нет заслуги в добрых делах, что *“не оправдывается человек делами закона”*, и что человека спасает лишь одна вера.

Столетия продолжаются споры с непрерывным обменом увеличивающегося числа аргументов, которые никого не убеждают, но вращаются в порочном круге антропоцентрических концепций, столь характерных для рационализма.

Какова позиция *“православных”*, когда они сталкиваются с этим спором запада? Чувство неполноценности и растерянности охватывает наших богословов, которые с восхищенным иступлением предстают перед утонченностью аргументов их западных коллег. Они не знают, что сказать. Они внутренне упрекают православие, которое не имеет стольчеткой позиции в этом вопросе. Некоторые с небольшими оговорками присоединяются к католикам; другие пытаются примирить два взгляда. Апостолы и Отцы совсем не помогают им; кажется, что они протеворечат друг другу и даже самим себе.

Что за тьма, в которую рационализм ведет человека! Ка рационалисты могут понять Апостолов и Отцов, поскольку Апостолы и Отцы, которые не были рационалистами, говорят на языке рационалистам неизвестном?

Для рационалистов Святое Писание, простейшая в мире книга, полна противоречий. Для них любое слово и любое выражение имеет только одно predetermined значение. Либо апостол Павел прав, уча, что верую оправдаешься, либо апостол Яков, который пишет: *“Что пользы, братия моя, если кто говорит, что имеет веру, а дел не имеет? Может ли эта вера спасти его? . . . и бесы веруют и трепещут.”*⁵ Вот почему многие протестантские богословы охарактеризовали Послание апостола Якова как *“насмешку”* и недостойную быть причисленным к книгам Нового Завета. Но даже апостол Павел вроде бы противоречит сам себе, говоря в одном месте об оправдании верую, а в другом об отплате *“каждому по делам его.”*⁶ Вот почему некоторые протестанты стали говорить о *“двух оправданиях.”*

Мысль Апостолов и Отцов так чиста, так проста; но в руках богословов-рационалистов она наполнилась туманом и темнотою. Они хотят сделать из христианство систему. Система не приемлет антитезисов. Все должно быть на своем месте и четко классифицировано. В их ограниченном мышлении, любые антитезисы есть противоречие. Но действительность полна антитезисов. Только когда человек принимает антитезисы такими, как они есть, без попыток смягчить их, он подходит к истине.

Православные будут славят Бога, потому что такая проблема, как эта, никогда не поднималась в Церкви православной. Споры вокруг вопроса оправдания, которые продолжались на западе столь многие века не достигают какого-либо удовлетворительного результата. Спасение не дается в награду за что-то хорошее, чего достиг человек, будьто вера или дела. Спасение не есть награда и не проклятие или наказание. Такой подход, подобный подходам рационалистов, является антропоцентрическим. Это есть проекция на мир духовный

---

⁵ Иак. 2 : 14, 19 (Ред.).

⁶ Enter footnote text here.

того, что происходит в повседневной жизни человека в обществе, где доброе слово или дело награждается, а плохое слово или злое дело наказывается по законам, предписанным самими людьми.

Подобно древним грекам, запад также делает Бога по человеческому подобию. Они видят Его судьей, который судит и наказывает на основании существующих законов. Но правосудие Божие не имеет мстительного или юридического значения. Бог не наказывает, дабы удовлетворить Свое собственное правосудие. Это — противохристианский взгляд. Бог никого никогда не карает; Он только наказывает, как отец наказывает своего сына, чтобы вырастить его. Даже геенна не сеть место пыток, но самоизгнания, вдали он Божиего присутствия. Это состояние свободно избранной слепоты, место, куда никогда не проникают лучи солнца. Бог справедлив, это значит, благ: по этой причине у Него нет места и единения с несправедливостью, которая есть безнравственность (злостность). И это не потому, что Бог не хочет прийти к грешникам, но потому что лукавые люди отворачиваются от праведности Божией и не хотят иметь какую-либо близость с Ним. *“то не Он враждебен, но мы; Бог никогда не враждебен”* (св. Иоанн Златоуст, Слово XI на II Кор. 3).

Спасение, подобно знанию, является делом сопричастности Богу. Дела и вера, добродетели и усилия есть вещи, которые открывают Господу дверь нашего сердца. Но то, что дает спасение, не есть ни дела, ни вера, ни добродетели, ни усилия, ни все это вместе взятое. Человек может все это иметь и не наслаждаться сопричастностью Духу Святому, не становится обителем Святой Троицы. Спасение, как и знание, есть обоготворение человека благодатью Божьей, есть водение Бога, которого удостаиваются в этой жизни чистые сердца по степени своей чистоты. Это не есть награда, выдаваемая Богом за старания и труды, которые вовсе не могут очистить сердце, это и не награда за интеллектуальную веру, которая несколько не может изменить человеческую жизнь.

XXIII. СТРАШНАЯ ПРОПАСТЬ

Католицизм, протестантизм и атеизм, подобно всем прочим философиям, говорят на одном языке. Один понимает аргументы другого, и несмотря на все свои споры, они могут общаться друг с другом. Но страшная пропасть разделяет православие со всеми этими системами, потому что оно есть нечто отличное по самой сути.

Все ошибочные верования запада и засушенность их духовности первопречиной своей имеют рационализм. Европейцы судят о божественном земными стандартами и живут в своей религии с критерием и стандартами этой жизни. Можно процитировать такую гору примеров, что заполнится не одна книга. Два же примера, которые мы уже привели (т. е. таинство человека и таинство спасения), достаточны, чтобы понять, что различие между восточной Церковью и западными не есть различие разпообразных характеристик, но различие самой сути.

Даже если бы мы предположили, что запад наилучшим образом расположен пойти навстречу и жить православно — нечто неимеющее место, за исключением, возможно, случая старо-католиков — это расположенность не сделала бы их способными понимать и вести жизнь православную. Столькие века отступничества не прошли, не оставив своей печати на душах этих людей. И печать эта столь несмылаема, что она не может быть стерта ничем, кроме благодати Божьей, и то только с смиренных сердец.

Последние годы, многие в Европе стали называться православными и крестились крещением православной Церкви, но очень немногие из них действительно стали православными. Большинство из них охватили православие интеллектуально, очарованные достоянием знания, которое оно предлагает им, и очарованные новым знакомством с христианством, которое перкинуло мосты через пропасти, оставленные в их сознаниях искаженным христианством запада. Но даже перед тем, как они в первый раз причастились и

оплакали свои грехи, и прежде, чем они отычкали в смирении и борьбе благодать Христову, они посчитали, что их неприменной обязанностью является проповедовать православие православным. Шокированные невежеством православных в вопросах теоретических, в которых они сами блестили, они презирали православных, которые, хотя и в невежестве, жили православием их отцов и были готовы умереть за него. Но Бог не восселяется в гордые умы. Их теоретические приготовления не предохранили их от ошибки, и как слепые ведущие слепых, они свалились в канаву ересей, сбивая с пути также и других, или они вернулись, “как собака к своей собственной блевотине”, к своим прежним мирским путям.

Для того, чтобы понимать Святых и Отцов Церкви, совсем недостаточно читать их. Отцы говорили и писали прожив таинствами Божьими. Они лично испытали таинства. Для того, чтобы понимать их, нужно достичь определенной степени вхождения в таинства Божии, испробывав их на вкус, запах и узрев их лично. Вы можете читать писания Святых и стать очень сведущим в них “головным” знанием, никогда даже на минуту не испробывав то, что испробывали Святые, которые писали эти книги через свой личный опыт. Для того, чтобы понимать Святых по-настоящему, а не интеллектуально, вы должны иметь определенный опыт того, о чем вы говорите; вы должны попробовать, хотя бы частично, те же вещи, что пробывали и они. Вы должны пожить в горячей среде православия; вы должны вырасти в ней. Вы должны попробовать практику, напряжение и подвиг христианского пути к совершенству. Вы должны очень низко пригнуться, чтобы пройти сквозь узкую дверь, которая ведет в Царствие Небесное. Вы должны смириться; вы должны освободиться от тщетной ноши человеческих ценностей и отвлечь сердце от того, что люди считают великим и стоящим уважения. Вы должны пролить слезы покаяния о суете, в которой вы живете, слезы пламенной мольбы к Господу, чтобы избавил вас от тьмы и ниспослал луч Духа Святого в сердце ваше.

Целый мир должен родиться в сердце западного человека для того, чтобы он что-то понял в православии. Как может тот, кто от колыбели дышит сухим воздухом рационализма и научен поклоняться человеческому уму как идолу, быть смиренным и стать простым, как дитя? Как может тот, кто научился гнаться за вещами, высоко оцененными людьми и “отвратительными перед Богом” и был научен рассматривать обращение к внутреннему человеку как “разглядывание собственного пупка”, спастись от калючек мирских забот? Как может тот, кто научен рассматривать суету как ценность, оплакивать суету жизни?

Что, честно говоря, католицизм и протестанство сделали, чтобы защитить мир от безжалостного водоворота, в котором он очутился? Но не религия ли запада отправила человека, задыхающегося от бега, к достижению того, что Христос назвал тщетным? Монашество, сердце религии, либо упразднилось, либо подстроилось под утилитарные законы, которые через их деятельность или через их мысль миссией своей имели служение земному благосостоянию людей и мирской мудрости, которую “Бог соделал глупой”. Оно сделало политику вотчиной христианской деятельности, управляя царствами и проливая кровь в погоне за властью и деньгами. Оно использовало миссии в качестве приманки для подчинения цветных людей бесчеловечной власти Европы. Оно преследовало удовольствие и комфорт, уча, что благосостояние — дар Божий. Оно дало христианству утилитарную, социальную цель, принуждая человека верить, что Христос являлся моральным учителем, который озабочен прежде всего правовым функционированием общества, а Церковь является хранительницей идеальных человеческих законов и надсмотрщицей над тем, как эти законы выполняются. Оно создало модель фарисейского христианина, добропорядочного гражданина, который думает, что он достиг совершенства, потому что он никогда никому не нанес вреда, или потому что он дал деньги благотворительным организациям.

Как могут люди вдруг стать смиренными, ища свет не в боли и слезах, но в цивилизации, управляемой погоней за человеческим комфортом и характеризуемой сатанинской гордостью достижениями своей науки?

Как может человек, ищущий в глубине своего сердца, чтобы найти в тишине и неподвижности своей “сокровищницы” “драгоценный жемчуг”, появиться в цивилизации, которая характеризуется непрерывным движением и озабоченностью, направленными к внешнему.

Такая вещь явилась бы редчайшим чудом.

Но если столь трудно одному человеку ощущать привкус Православия, то возможно ли для всей римско-католической “Церкви” или для протестанских “церквей” вместе ощущать этот привкус? Миллионы людей на западе даже и не знают, о существовании православия. Как возможно после одной или более конференций представителей различных “церквей” для поворота к истине коллективно иметь правильное понимание для душ, идущих в потемках уже целые столетия?

Возможно те, которые говорят о единении церквей, думают, что они имеют дело с делами политическими, где правители стран ведут своих подчиненных в целом либо к войне, либо к миру? Люди не приходят ко Христу и Церкви Его толпами. Они приходят как свободные личности.

Предположим, что Папа неожиданно решает стать православным и привести всех католиков к православию. При такой внешней перемене станет ли хоть один из миллионов католиков православным? И если бы даже все они имели наилучшее намерение выучить и поверить во все доктрины православия, они не смогли бы и шагу ступить по направлению к ней, потому что православие не есть лишь система доктрин и ряд обрядов, но нечто много более глубокое и существенное. Это — целая направленность жизни и мышления. Православие есть дух, дух традиции, который нельзя получить из книг, но он передается от живого к живому, от отца к сыну, от матери к дочери, от брата к брату, от друга к другу, от священника к священнику, от монаха к монаху, от духовного отца к духовному чаду, “не чернилами и бумагой, но из уст в уста”, от души к душе. И все это в жизни Святых Таинств Церкви, в атмосфере Святого Духа, со временем, постепенно, с медленным развитием организма.

Но те, кто говорит о единении совсем не наивны. Они очень хорошо знают, что католики, как и протестанты, никогда не станут православными как тело. Но это и не интересует их. Им нет дела да заблудшей овцы стада Христова. Они уповают на компромисс и удовлетворяются искусственным соглашением. Кроме того, они уже приличное время не являются православными. Им дела нет до истины и жизни во Христе. Тайна Антихриста уже действует в них, и они не успокоятся, пока она не завершит дела своего.

XXIV. ОТПАДЕНИЕ

О, несчастное племя греческое! Вы, которые дали так много Отцов и Святых Церкви Христовой, вы, которые просветили столько варваров и соделали их чадами Божьими, вы, которые оросили эти камни слезами смирения и покаяния, и насадили на них цветущий сад православия, вы, которые молитвами своими призвали Бога пройти по этой земле, почему же вы сейчас восторженно обратили глаза свои туда, куда никогда не заглядывало солнце? И вы, которые от древности были рабами Божьими, почему вы раболепно пали на колени, поклоняясь прислужникам Люцеферовым?

Неужели вы так ошеломлены знаменами и чедесами прогресса, что вы готовы пасть ниц и поклоняться этому блистящему, но пустому идолу? Неужели вы не видите за фейерверком тьмы? Неужели вы не видите за деланной умыбкой отчаяния смерти? Неужели вы не видите нищеты, скрывающейся под царственной внешностью?

Чему вы завидуете? Власти Папы? Но не забыли ль вы силы Бога вашего, что не дало вам сохранить вашу Веру неповрежденной до сего дня?

Что вы возжелали? Знания? Да, вам следует желать знания, потому что вам начинает недоставать его, устрашающе недоставать. Но там, где вы ищете его, знания нет; только заменители знания находятся здесь — академические философии и академические богословия. Но это набьет вас живот и не напитает вас, потому что они не содержат в себе жизни; они — лишь мертвые буквы. Это — изучение теней предметов. Это — не изучение Бога и Его творение, но изучение идеи, которую мы имеем о Боге и Его творении, изучение концепций нашего мозга.

Но если вы хотите легкой жизни, если Европа очаровывает вас обещаниями комфорта и плотских наслаждений, тогда, вперед — идите туда. Она определенно даст вам комфорт и удовольствия. Но вместе с тем, она даст вам пустоту и смерть, духовную и вечную смерть, привкус которой присутствует сегодня.

XXV. ВЕРШИНА БАШНИ

Не будем дурачить самих себя. Греческий народ, как и все другие народы, продолжит свой путь. И путь этот есть путь толпы. Путь многих всегда самый легкий. Путь толпы — всегда путь, ведущий к комфорту и удовольствиям. И чтобы мы все ни говорили или ни делали, мы ничего не сможем достичь из-за состояния, к которому пришел мир. Зло неизменно.

Самая трагичное состоит в том, что в человеческих глазах зло предстает добром. Проклятие, наложенное не Богом, но в которое человек пал сам, не будет неким разрушением или неким ядерным уничтожением, как представляют себе люди. В действительности, смерть телесная была бы очень маленьким злом для человечества. Но то, что должно придти будет чем-то невероятно более грубым и бесчеловечным. Это будет шедевром дьявольского воображения, величайшей когда-либо присходившей мистификации. Разрушение, к которому человечество движется, будет представляться величайшим успехом. Это будет вершина башни Вавилоской, пик человеческого тщеславия, венец человеческой самомнения.

Разрушение явится осуществлением желаний масс, в которых каждая страсть и каждое зло всплывут свободно и открыто. Это будет полным опустошением сердца, пустотой, тоской, скукой, другими словами, духовной и вечной смертью.

Не будет больше места для Бога в сердцах людей. “И, по причине умножения беззакония, во многих охладает любовь” (Матф. 24 : 12). Источник жизни не будет более иметь места среди подавляющего большинства людей, Евангелие будет проповедовано всему человечеству, “во свидетельство людям”. Все узнают его, и почти все посути отвергнут его.

В роскоши городов, среди творений человеческого мозга и знамений и чудес Антихриста, будут вращаться человеческие твари без жизни, мертвецы, которые думают, что они живут интенсивнейшей когда-либо возможной жизнью, но которые, на самом деле, будут взнуданы манией своей собственной плоти.

XXVI. ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Говорят, что Папа оптимистичен относительно будущего человечества. И конечно же должен быть оптимистичен! Человечество стало тем, о чем мечтал веками. Пусть он восхищается работой рук своих.

Все эти ученые, умные и представительные люди есть его ученики. Он первым учил их арифметике и грамоте. Он познакомил их с Аристотелем. Он научил их философии, когда они были еще варварами. Ему они обязаны своей цивилизацией.

Папство не проповедовало Христианства. Оно ни внешне, ни внутренне не имело ничего общего с рыбаками из Галилеи. Папство принесло европейцам цивилизацию. Если кто-то и имеет право говорить о греко-христианской цивилизации, то это папство.

Но какое отношение имеет Христианство к цивилизации? Какое отношение может иметь религия, которая говорит “ибо у нас нет града преходящего, но мы ищем того, что грядет”, с цивилизацией, суть которой — человеческими усилиями устроиться как можно комфортабельнее в граде земном?

Однако, если внимательно рассмотреть проповеди и устремления большинства “христиан”, то увидишь, что они ищут и надеются не столько о славе Церкви, сколько о славе цивилизации.

Таких “христиан” мир хочет и принимает, потому что в сущности у них одни цели. А другие, которые не говорят о эллино-христианской цивилизации, но о монашестве, подвигах, молитве, насущный хлеб которых есть постоянное стремление к граду будущему, их мир ненавидит, потому что он не признает их за своих. Первых он характеризует как истинно религиозных людей, а последних как чрезмерно ревностных религиозных фанатиков, отрицателей жизни.

Сходство, которое существует между теми православными, которые говорят о греко-христианской цивилизации и взглядами папистов удивительное. У них одинаковая ментальность, одни цели, одинаковое безразличие к истине и мистической жизни. Их “Христианство” есть лишь нечто поверхностное, некое мировоззрение, призванное заполнить пробелы в их сознании и сделать их земное существование еще более комфортабельным.

Такие “христиане”, которые всегда готовы пойти на компромисс, дабы иметь на своей стороне большинство, никогда не переведутся.

Они, на подобие Папы, оптимистичны по поводу будущего человечества, и этим оправдываются. Потому что и Папа и они подвизаются в строительстве цивилизации, и цивилизация строится и будет строиться с каждым днем все лучше, к их великой радости. Это будет цивилизацией, которая будет уважать ценности, поскольку цивилизация без ценностей невозможна, а ценности есть ценности, потому что они полезны обществу. Но ценности не предохранят человеческие сердца от проникновения смерти. Потому что ценности есть жертвы, приносимые идолу по имени Человек; они не есть приношения в служении Богу.

XXVII. ТРУДНЫЙ ПУТЬ.

Все, написанное здесь, не адресовано ни миру, ни этим “христианам”. Это адресовано немногим избранным, которые сами будут в опасности быть обманутыми в последние времена.

Среди христианских организаций, в паизме и протестантизме есть души, искренне желающие Бога и ищущие будущего града. Но их окружение и их наставники не дают им найти путь, который желают их сердца.

Эти немногие избранные должны быть осторожны, очень осторожны. Дьявол не всегда действует как дьявол; в основном он появляется ангелом света. Он проповедует Христианство лишь слегка отличное от подлинного, и с помощью этой уловки много больше попало в его сети, чем он бы захватил, посылая целую армию атеистов и Диоклетиан.⁷

Он клеветает на верующих, называя их нетерпимыми, узкомыслящими людьми, фанатиками, поклонниками буквы. Таким способом он воздвиг на Церковь Христову самое страшное в истории гонение. Люди часто больше боятся характеристик, которые унижают их честь и репутацию, чем меча карающего. Очень немногие могут принять жертву быть

---

⁷ Диоклетиан — Римский император (284—313 гг.), жесточайший гонитель христиан (Ред.).

почитаемыми за глупых. Но в сегодняшнем мире неизбежно, что каждого христианина посчитают дураком или, по крайней мере, узкомыслящим. Очень у немногих есть смелость выступить с протестом, который приводит к мученичеству. Вот почему большинство людей предпочитают легкий путь компромиссов, и они с фанатизмом проповедуют его.

Язычники никогда не ненавидели христиан так, как ненавидит их сегодня “христианский” мир. Внешняя терпимость обманчива. Мир терпит только тех так-называемых христиан, которые идут с ними нога в ногу, тех, которые стараются насадить социальное Христианство и стараться не отставать от времени. Других, нежелающих отступить от своей веры, мир ненавидит. Но ненависть мира является для нас критерием, чтобы узнать истинные ли мы христиане. “Если они ненавидели Меня, они будут ненавидеть и вас тоже”.